

Гюго; онъ разложилъ дарованіе поэта на его составныя части—и показали, вмѣстѣ съ тѣмъ, его внутреннее единство, обуславливаемое господствующею его чертою. „Мышленіе образами“, какъ нѣчто отличное отъ образнаго способа выраженій, безспорно служить ключомъ ко многимъ особенностямъ творчества В. Гюго. Техника Гюго объяснена и освѣщена Фагэ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Болѣе парадоксально, но, во всякомъ случаѣ, любопытно и оригинально мнѣніе Фагэ, что въ Гюго поэтъ-лирикъ уступаетъ эпическому поэту. Въ заключительныхъ тезисахъ Фагэ звучить, какъ намъ кажется, только одна фальшивая нота. Онъ слишкомъ настаиваетъ на томъ, что произведенія Гюго войдутъ въ обиходъ французской школы; онъ слишкомъ охотно подчеркиваетъ еще разъ ихъ декламационный или диссертационный характеръ, ихъ удобопонятность, граничащую съ банальностью. Пилюля позлащена указаніемъ на то, что удивленіе „молодыхъ умовъ“ — награда, достойная великаго писателя; но не можетъ же Фагэ, въ самомъ дѣлѣ, думать, что сочувствіе „учащейся молодежи“ — синонимъ славы. Пренебреженіе къ политикѣ и здѣсь говоритъ въ Фагэ съ бѣльшей силой, чѣмъ критическое чувство; онъ наноситъ прощальный ударъ мнимымъ „общимъ мѣстамъ“, намекая на то, что увлеченіе ими—удѣлъ и признакъ умственной незрѣлости. Мы думаемъ, что онъ неправъ и что „мелкое“ для утонченнаго литературнаго вкуса—напр. вѣра въ освобожденіе массъ—надолго еще останется „крупнымъ“ для множества молодыхъ и немолодыхъ людей, чуждыхъ политическаго и соціальнаго индифферентизма.

К. Арсеньевъ.